

АГРАРНЫЙ ТУПИК: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД? СЕМЕЙНОЕ (ИНДИВИДУАЛЬНОЕ) ТРУДОВОЕ ДОМОХОЗЯЙСТВОВАНИЕ: ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ

А.А. Латышев

Кемерово

latyshev-andrey@mail.ru

В статье ставится задача выявления концептуальных оснований семейного (индивидуального) трудового домохозяйствования (СТД) как культурной формы организации производственной и поселенческой жизнедеятельности. Статус аутентичности СТД автор видит в возможности личности без социальных посредников реализовывать видовые свойства человека – опредмечивания смысловых моделей своего жизнеобеспечения. Навыки, приобретаемые во взаимодействии с природой, усваиваются телом человека, формируя его предрасположенности к широкому спектру деятельности. Совокупности людей, обладающие однородными генотипическими деятельностными навыками, формируют конститутивные производственные и поселенческие уклады. Историческая деформация производственно-поселенческих укладов, по мнению автора, ведет к затуханию жизненного тонуса народов. Таким образом, обосновывается актуальность реставрации этнокультурной формы СТД на современном этапе развития русского этноса. Автор предлагает направления эмпирического исследовательского поиска оптимальной модели СТД с учетом новых технологических возможностей и этнокультурных традиций хозяйствования русских.

Ключевые слова: хозяин, семья, домохозяйство, деревня-однодворка, заимка, хутор, усадьба.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.2-150-161

Методологические недостатки современной отечественной социально-гуманитарной мысли состоят в отсутствии представлений о практике функционирования системообразующих механизмов на индивидуальном деятельностном уровне. Манипуляции весьма отвлеченными абстракциями общественной жизни не дают ответа на вопрос, что и как должен делать индивид в устройении своей жизни, чтобы его устремления и практические действия по упрочению благополучия семьи укрепляли бы этнокультурную целостность и государственность русской нации, обеспечивая оптимальную динамичность ее развития. Иными словами, жизнедеятельность личности как системного ядра общества и ин-

ституциональное устройство этноса должны быть синхронизированы в социальных практиках.

Теоретико-аналитический инструментарий решения поставленной проблемы должен строиться на рассмотрении состояния русского общества в нескольких методологических ракурсах. Во-первых, в социально-антропологическом смысле, то есть в контексте детерминирующего влияния родовидовых свойств человека на институциональные практики общественного устройства. Во-вторых, с точки зрения русских этнических особенностей социально-исторического развития системы «индивид – общество». В-третьих, в контексте организационных технико-технологиче-

ских различий аграрного и промышленного производства. И наконец, результаты рассмотрения должны стать индикатором в оценках сложившихся современных социальных практик.

Системообразующим феноменом общества является трудовое обрабатывающее воздействие индивида на природу с целью производства средств жизнеобеспечения. При этом каждое механическое действие предваряется созданием его идеальной модели. Способностью продуцирования и алгоритмизации смысловых аналогов потребностей и производственно-технологических способов их удовлетворения для последующего опредмечивания обладает только индивид. Коллективного субъекта, подобного головному мозгу индивида, продуцирующего генетически целостный мыслительный продукт, – нет. Есть синхронность индивидуального мышления и межличностная передача информации. В силу этого обстоятельства очевидна генетическая тождественность индивидуально-трудового домохозяйства (как производственно-поселенческой культурной формы опредмечивания жизнеобеспечивающих замыслов индивида и института личной собственности на предметную среду, которую он осваивает в жизнеобеспечивающей деятельности) его видовым признакам. В свою очередь, всякое коллективное производство с технологически разделенным кооперированным трудом блокирует видовую деятельностную функцию человека – генерацию индивидом смыслов жизнеобеспечения, а массовидное общежитие, возникающее на его основе, антагонистично родовидовым свойствам человека, какую бы политико-экономическую культурную форму оно не принимало. Социальное содержание современного этапа антрополо-

гического кризиса состоит в противостоянии двух типов людей – носителей индивидуально-средового мышления и носителей коллективно-средового мышления – и гомогенных им социальных практик.

Степень адекватности общественных укладов родовидовым свойствам человека как системообразующей основы людских совокупностей дает возможность оценивать цивилизационную эффективность прошлых и нынешних человеческих сообществ, диагностировать причины их исторических успехов и неудач. Элементом гомеостазиса, сохраняющим устойчивость системы, является индивид. В межэтнической конкурентной борьбе за свободную энергию побеждает тот участник противостояния, который обладает более динамичной и репрезентативной моделью мира в качестве средства управления поведением соплеменников [13]. На протяжении биокультурной истории того или иного этноса на территории его обитания складываются межвидовые, межпопуляционные, межиндивидуальные кооперативные связи, составляющие симфонию биогеоценоза, формирующие габитус индивида [Там же, с. 84].

Наиболее точное развернутое толкование габитуса, на наш взгляд, дает П. Бурдьё: «Среда, ассоциируемая с определенным классом условий существования, производит *habitus* (габитус), т. е. системы прочных приобретенных предрасположенностей... которые порождают и организуют практики и представления, которые эффективно приспособлены для достижения определенных результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства...они могут исполняться коллективно, не будучи продуктом организующего действия дирижера... *Habitus*, продукт исто-

рии, производит индивидуальные и коллективные практики – опять историю – в соответствии со схемами, порождаемыми историей. Он обуславливает активное присутствие прошлого опыта, который существует в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действий, гарантирует “правильность” практик и их постоянство во времени более надежно, чем все формальные правила и эксплицитные нормы... Экономика целиком и полностью жизненна, только если она постоянно объектифицирована не только в вещах, т. е. в логике отдельного поля деятельности (превосходящей индивидуальных агентов), но также и в телах, в постоянной предрасположенности тела признавать и подчиняться требованием поля» [4, с. 17–23]. Эмпирические наблюдения, иллюстрирующие феномен объективации деятельностного поля, приводит А. Сент-Экзюпери. В своей неоконченной книге «Цитадель» он пишет: «Посмотри на владельца поместий, когда он шагает по утренней росе вдоль дороги, в полном одиночестве и не имея при себе ничего из принадлежащих ему богатств... Идет, словно лишенный всех своих благ, поскольку они никак не служат ему в данный момент, и вынужденный, если недавно прошел дождь, шлепать по грязи, как шлепает по ней любой батрак, и раздвигать палкой мокрые кусты ежевики, как последний бродяга.... И, однако, если ты повстречаешься с ним, и он поглядит на тебя, ты сразу поймешь, что он – это он, и никто другой. Спокойный и уверенный в себе, он опирается на всю глыбу своего капитала, который в данный момент ему вовсе не служит... Слеп тот, кто видит человека только в его непосредственных действиях и поступках, кто считает, что только поступок человека, только его конкретно осязаемый

опыт, только реальное использование им своих преимуществ могут выявить его сущность» [15, с. 198–199].

Следует добавить, что физической основой аутентичного производственного уклада являются функциональные возможности тела человека, гарантирующие недопущение всякой чрезмерности. В основе института землепользования восточных славян размер земельного участка, признававшегося собственностью домохозяйства семьи, определялся по принципу «куда топор и коса ходили». Феномен габитуса в качестве аналитического инструмента дает возможность концептуальных построений, позволяющих ответить на практические вопросы недавней прошлой и современной русской жизни.

В начале прошлого века наше отечество, обладавшее огромными территориями с одинаковыми природно-климатическими условиями на всем их протяжении, многочисленным крестьянским населением, обладавшим аутентичным, самоорганизующимся домохозяйством, имело идеальные эволюционные возможности. В контексте предложенной методологии рассмотрение проблемы следует начать с известного толкования В.О. Ключевским условий формирования «психологии великоросса». Лес – место обитания хлебопашцев великороссов предоставлял весьма скудные возможности для устройства пашины. Лесные опушки, очищенные от кустарника, мелкой поросли, «вздранные» под небольшие нивки, не позволяли формироваться большим поселенческим образованиям. Деревни-однодворки, удаленные друг от друга на большие расстояния, явились причиной крайнего индивидуализма в поведении русских [9, с. 313–315]. В сознании современных россиян распространено мнение,

оправдывающее тотальный коллективизм советских социальных практик, о «природном коллективизме» русских, приобретенном якобы нашими пращурами при раскорчевке леса под пашню [8, с. 24]. Однако исследования ленинградских историков 1960-х годов подтверждают факт того, что господствующей производственно-поселенческой формой в XV – начале XVI в. была деревня-однодворка [1], т. е. предельно индивидуализированная форма производственно-поселенческой жизнедеятельности.

Эффективность домохозяйств, даже по современным меркам, была чрезвычайно высока. Урожайность зерновых на северо-западе России на подсеке была сам-25, сам-30 был обычным, нередким – урожай сам-40; бывал иногда даже урожай сам-60 [Там же, с. 261]. Важнейшей особенностью имущественного разделения конца XV – начала XVI в. было то, что в подавляющем большинстве богатых дворов хозяйство велось без привлечения наемного труда или зависимых людей, хотя многопосевные дворы были весьма многочисленны [Там же, с. 370]. Крестьянство обладало излишками хлеба, что влекло связь с рынком. Количество разорившихся крестьян было невелико. «Люди худые» встречаются в писцовых книгах конца XV–XVI вв. очень редко. Это непашенные люди, которые жили своими дворами [Там же, с. 371]. Население Новгорода, по тем временам огромное, рекрутировалось в том числе из крестьян. Накопления богатых семей могли быть обращены в сферу торговли и ростовщичество. Бедные жили наймом и подаянием, но могли вновь становиться крестьянами [Там же, с. 371]. Ссуда и подмога, возможность ухода из мест с худшими условиями жизни нивелировали крестьянские хозяйства. Уровень

повинностей оставлял крестьянам достаточно ресурсов для нормального поддержания жизненных сил семьи и ведения традиционного хозяйства без перенапряжения [Там же, с. 373].

Таким образом, в конце XV в. определились две модификации русского производственно-поселенческого уклада жизни, которые сохранились до начала коллективизации 1929 г. Первая модель – без крепостного права, с нормой отчуждения прибавочного продукта государством, оставлявшей возможности для некоторого накопления в богатых крестьянских хозяйствах. Вторая – с укреплением поместного и вотчинного землевладения, ломкой традиционно невысоких размеров обложения крестьян, увеличением уровня эксплуатации и развитием закрепощения [Там же, с. 373].

Парадигмальные описания В.О. Ключевского и исследования ленинградских историков дают основания для следующих умозаключений. Во-первых, по поводу концепции Н.Я. Данилевского о константной природе культурно-исторических типов, в том числе славянского и его великоросского модуса [6]. Во-вторых, вывод о доминировании индивидуализма в мышлении и поведении русских, составляющих их габитус и возможность их развития только в условиях гомогенного производственно-поселенческого уклада с высокой степенью индивидуализации социальных практик. В свою очередь, являясь биологическим свойством, габитус может быть изменен только весьма длительной эволюцией этноса. Вот почему ленинский коммунизм просуществовал лишь четыре года (благодаря конвейерным бессудным расстрелам) [10], а «восточная деспотия» И. Сталина в условиях жесточайшего государственного террора прожила всего 26 лет. Н.С. Хру-

шев в русском поведенческом стиле в одиночку разломал ее политический строй без особого труда (политическая система Хрущева–Брежнева это все-таки не сталинский режим). Задача же современного развития русских, на наш взгляд, состоит в преодолении коллективно-средового мышления и его институционального продукта – коллективистских, массовидных социальных практик. Иными словами, русские должны вернуть уклад общественного устройства, существовавший до 1917 года, и это восстановит их жизненный тонус.

Распределительные экономические отношения советского общества строились на институтах «престижной экономики» – реципрокности и редистрибуции, возникших в период генезиса надобщинных политических структур протогосударств древнего Востока [5] и не имевших места в исторических практиках русских. Этот факт объясняет многие особенности жизни наших соотечественников второй половины XX в. Физической основой массовидных форм общественного устройства является крупное индустриальное производство с разделенным кооперативным трудом. Удобство массовидных индустриальных технологий, с их организационным и экономическим контролем при высокой норме прибыли, казалось бы, обеспечивает им сегодня прочные цивилизационные позиции, несмотря на их очевидную кризисогенерирующую роль в жизни человека. В то же время гуманистическая тождественность природы, по мнению С.Н. Булгакова [3, с. 125], состоит в защите незаменимости индивидуального труда в аграрном производстве. В мировой аграрной истории коллективные технологии существовали только на насильственной организационной основе. Сегодня коллективные техно-

логии применяются в Северной Корее, на Кубе, отчасти в Израиле и России, то есть в странах с нарушенной этнокультурной традицией. Аграрные секторы трех из названных стран, как известно, находятся в состоянии разной степени упадка. Исключением является Израиль, но и там коллективные хозяйства кибуц и мошав-шитуфи строятся на идеологической основе, «стремлении реализовать русскую социалистическую утопию» [7], т. е. на противоречащей видовой природе человека основе. Фактография мировой аграрной истории, катастрофа российского сельского хозяйства XX столетия дают основания предполагать, что в аграрном производстве невозможно применение технико-технологической индустриализации и разделенного коллективного труда. Эмпирическое подтверждение этой гипотезы открывает для русских новое направление строительства производственно-поселенческого устройства жизни в своих этнокультурных традициях, наполненное интенциями, тождественными видовым свойствам человека и гомогенными габитусу русских.

Объяснение несовместимости крупной, индустриальной, коллективной организации труда с аграрной технологией нужно искать в сравнении двух видов производств – промышленного и аграрного. Первым эту аналитическую работу проделал Н.П. Огановский в своем труде «Земельный переворот в России, его причины и следствия» [14]. Практические наблюдения и концептуальные выводы Н.П. Огановского и А.В. Чайнова [17] мы попытались перевести на язык современного толкования, а взаимозависимости заключить в простейшую математическую формулу.

Различие прежде всего состоит в физической организации объектов труда. В про-

мышленности обрабатывается органически мертвый материал, поэтому потребительские свойства продукту придает своим трудовым воздействием человек. Это дает возможность управлять процессом обработки, сохраняя труд в единицу технологического времени по отношению к количеству выпускаемой продукции. Приемы сохранения труда осуществляются в двух технологических направлениях. Во-первых, упрощая трудовые операции разделением технологического процесса. Сохранение труда простыми действиями можно повторить в единицу времени. Прием, как известно, называется интенсификацией труда. Во-вторых, многократно усиливая обрабатываемое действие машиной, можно увеличивать количество производимого продукта без увеличения количества труда. Оба приема возможны только при коллективной технологии. Увеличение сохраненного труда по отношению к увеличению выпускаемого продукта в единицу времени увеличивает разницу между их денежными эквивалентами, валовым доходом и частью авансированного капитала, идущую на заработную плату рабочим, а это есть прибыль.

Мертвый материал, как объект труда, дает возможность изменять организацию технологического пространства и времени. Эффект сохранения труда в рассмотренном нами смысле можно концентрировать в пространстве и времени. Разделенный труд с машинным усилением обрабатывающих действий можно соединить в производственном пространстве с необходимой степенью комфорта в один технологический конвейер, работающий безостановочно. Время производства единицы выпускаемого продукта при этом «сжимается» до нуля. В один и тот же мо-

мент времени на одном конце конвейера начинается производство продукта, а на другом уже завершается.

Рентабельность промышленного производства формируется уменьшением величины структурных составляющих авансированного капитала и увеличением валового дохода за единицу времени:

$$R_{п.п} = \frac{K_{в.д} + (K_{ср.п} + K_{з.п})}{t},$$

где $R_{п.п}$ – рентабельность промышленного производства; $K_{в.д}$ – финансовый эквивалент валового дохода; $K_{ср.п}$ – доля авансированного капитала, вложенного в средства производства; $K_{з.п}$ – доля авансированного капитала, идущая на заработную плату наемным работникам; t – время функционирования технологического процесса промышленного производства.

Итак, коллективные технологии, индустриализация промышленного товарного производства обусловлены физически мертвым объектом труда и дают известный экономический эффект.

Объект аграрного производства органически активен, и это обстоятельство определяет культурное устройство всей производственной части аграрной сферы. Органическая активность, биологическая природа объекта аграрного труда делают его самостоятельным в приобретении потребительских качеств. Человек не может из совокупности химических элементов почвы, воды, энергии солнца сам выработать зерно злака или из одного зерна своим трудовым воздействием на него сделать несколько зерен. В приведенных сюжетах нужный человеку результат достигается самим растением. Таким образом, объект труда своей органической «жизнью-работой» лишает человека статуса произво-

дителя потребительского свойства продукта. Труд человека в аграрном производстве лишен признака созидания нового объекта. Человеческой функции «производителя» в аграрном производстве не существует, есть функция «катализатора». В рамках производства можно «подправить» качество продукта в пределах его видовых свойств и динамики «жизни-работы». Трудовые действия при этом будут направлены не на продукт – носитель потребительских качеств, а на условия его производительной жизни.

Растение, как объект аграрного труда, само задает пространственные и временные параметры технологического процесса, которые человек не в силах изменить. Поэтому орудия аграрного труда не влияют на увеличение выпуска продукта за единицу времени по отношению к количеству затраченного труда. Разделение технологического процесса с упрощением трудовых действий теряет смысл, ибо не дает эффекта сохранения труда по отношению к количеству производимого продукта за единицу технологического времени. Концентрировать сохраненный труд в пространстве и во времени не представляется возможным в силу его отсутствия. Следовательно, теряет смысл привлечение его носителей – наемных работников.

Органическая активность объекта аграрного труда задает технологические зависимости, формирующие рентабельность аграрных технологий производством валового продукта на единицу обрабатываемой площади:

$$R_{a.p} = \frac{K_{в.д} + (K_{ср.п} + K_{з.п})}{S_{обр}},$$

где $R_{a.p}$ – рентабельность аграрного производства; $K_{в.д}$ – финансовый эквивалент

валового продукта; $K_{ср.п}$ – структурная часть авансированного капитала, вложенная в средства производства; $K_{з.п}$ – структурная часть авансированного капитала, идущая на заработную плату наемным работникам; $S_{обр}$ – единица обрабатываемой площади.

Увеличение рентабельности получения урожая с единицы обрабатываемой площади требует уменьшения трудовых затрат, что ведет к экологической катастрофе. А увеличение продуктивности обрабатываемого участка требует увеличения прилагаемого труда, при этом оплата труда наемных работников ведет к удорожанию продукта и сокращению рентабельности. Привлечение коллективного труда наемных работников теряет смысл, и $K_{з.п}$ стремится к нулю.

Приведенные рассуждения позволяют сделать вывод об отсутствии смысла в применении крупных индустриальных технологий с разделенным кооперированным трудом в аграрном производстве в силу биологической организации объекта аграрного труда. По этой же причине невозможна производственная кооперация статусно равных земледельцев. Приращение потребительского качества аграрного продукта сокрыто от прямого участия человека, его результаты дистанцированы от количества и качества труда свойствами природной среды и не всегда отвечают адекватностью. Поле, обработанное с большими трудовыми затратами, может дать худший урожай, чем поле с меньшей обработкой, а это нарушает чистоту фиксации меры трудовой полезности при распределении результатов производства. М.И. Туган-Барановский еще в 1915 году приходит к выводу, что в собственно аграрное производство кооперация почти

не проникает: «...или если и проникает, то лишь окольным путем, со стороны. Переработка молока в масло, винограда в вино, зерна в муку, что исполняет кооперация, не является в строгом смысле слова сельскохозяйственным производством...» [16, с. 291]. Таким образом, можно с уверенностью заключить, что аграрное производство ограждено от коллективного трудового участия и предоставлено человеческому индивиду самой природой, что и демонстрирует мировая аграрная практика.

Предпринимательское индустриальное аграрное хозяйство чувствительно к колебаниям конъюнктуры рынка и требует дотаций для амортизации своей технологической «неуклюжести». В статье Е. Арсюхина «Молочники доят бюджет» [2] фиксируется константность взаимозависимостей технико-технологических атрибутов аграрного производства, открытых русскими экономистами-аграрниками в начале XX в. Семейное трудовое домохозяйство (СТД) технологически и экономически более адаптивно. Во-первых, его небольшие размеры, стремление хозяев к максимальной занятости в течение трудового дня требуют широкой специализации, а это, в свою очередь, приводит к технологической гибкости. Во-вторых, полупотребительский, полутоварный характер СТД дает возможность быстро реагировать на конъюнктуру рынка, сворачивая или расширяя производство того или иного вида продукта без большого ущерба.

К. Маркс писал: «... Я утверждаю, что экономическое развитие общества, рост и концентрация населения – те условия, которые заставляют фермера-капиталиста применять коллективный и организованный труд и прибегать к помощи машин и подобных изобретений – будут все бо-

лее и более делать национализацию земли “общественной необходимостью”, против которой бессильны всякие рассуждения о правах собственности» [12]. Все произошло с точностью до наоборот. В мировой аграрной практике нет ныне коллективного труда свободных людей, а индивидуальная собственность на земли сельских хозяев, прилагающих свой труд к ее обработке без привлечения труда наемных работников, является институциональной нормой. Причина этому не «рассуждения о правах собственности», а физическая организация объекта аграрного труда и тождественные ей видовые свойства человека.

Обратимся к тексту Льва Николаевича Литошенко – очевидца аграрной практики начала XX в., которая форматировала эволюцию и жизненные потенции русской нации: «...народное хозяйство индивидуалистического типа всегда имеет в себе достаточное количество самоисцеляющих сил... Те задачи, которые кажутся неразрешимыми в масштабе народного хозяйства, рассматриваемого как одно целое, постепенно распутываются путем молекулярных процессов борьбы, приспособлений и видоизменений, происходящих в среде миллионов автономных хозяйственных единиц, составляющих ткань народного хозяйства индивидуалистического типа... Роль организаторской функции особенно резко выступает в мелких земледельческих хозяйствах, оставляющих огромный простор для индивидуализации производственных процессов» [11, с. 121–123].

Парадигмы Литошенко сегодня чрезвычайно актуальны в контексте формирования практик современных русских, способных к самоорганизации в условиях острейшей конкурентной борьбы между народами.

Потребительское семейное трудовое домохозяйство, крестьянствование как целостная культурная форма производственно-поселенческой жизнедеятельности и ее носители были физически уничтожены в России в годы коллективизации. Исключение, чтобы быть точными, составляют старообрядцы, живущие в таежных заимках Сибири. Крестьянствование как цивилизационный феномен, как профессия, его повседневная культура, социально-средовое устройство, его ценности и смыслы жизни дискредитированы в сознании наших соотечественников. Нынешний сельский житель ни в каком смысле крестьянином не является. Ибо крестьянин – это всегда собственник своей запашки, своего двора, орудий труда, производящий прежде всего для своего потребления, и только часть производимого продукта идет на рынок, дабы его денежный эквивалент употребить на приобретение необходимых промышленных товаров и накопления. Сегодня в России мало кто знает, как вести трудовое крестьянское домохозяйство потребительно-товарного типа в его видовой целостности. Следовательно, уместно в режиме научно-практических исследований, на основе пилотных домохозяйств-однородок определить следующее:

- эволюционный ресурс крестьянского домохозяйства;
- оптимальный профильный диапазон усадебного производства, соответствующий традициям производственной и потребительской культуры россиян, природным и климатическим условиям территорий их проживания;
- вариативность технической комплектации семейного усадебного производства в современных условиях;
- возможные разноцелевые стратегии семьи, основы ее поведенческой культуры;

– биоантропологические, социально-культурные и смысловые аттракторы деревенско-однородного уклада.

Возрождение традиционного, дооктябрьского производственно-поселенческого уклада русских, его производственно-поселенческой среды, восстановление ее субъекта и его общественных институтов сегодня жизненно необходимо России, что обусловлено обострившимся цивилизационным и межэтническим противостоянием. Это позволит русскому обществу решить ряд задач по его организационной и функциональной оптимизации. Назовем наиболее острые из них. Семейное трудовое домохозяйство в деревне-однородке даст возможность:

- производственно-поселенчески активизировать значительную часть русского населения в режиме самоорганизации;
- изменить ментальность, интенции и поведенческие стереотипы русского человека, сделав их адекватными его цивилизационной природе, иными словами, осуществить перезагрузку программы жизнедеятельности личности, вернув ей исторические культурные формы бытия;
- самой личности повысить качество своей жизни;
- расширить диапазон культурных форм производственной и иной общественно-полезной деятельности.

Но, пожалуй, главным целевым вектором проекта семейного трудового домохозяйства в деревне-однородке является возможность восстановления жизненного уклада, утраченного после октябрьского переворота 1917 года, со всем спектром общественных отношений. С момента прихода к власти большевиков начинается быстрое умирание русского этноса, утрата им жизненного тонуса, ибо тотальный коллекти-

визм абсолютно неадекватен индивидуально-средовому мышлению русского человека. Победа в Великой Отечественной войне, первенство в освоении космоса, научные достижения в области военной технологии, расцвет отдельных областей культуры были осуществимы благодаря цивилизационному ресурсу русских, накопленному дооктябрьской Россией. Родовые свойства этноса не умирают одновременно. Утрата русскими самости произошла отнюдь не в 1990-е, как многие полагают, а в двадцатые годы прошлого столетия. В этой связи позволю себе одно гипотетическое замечание.

Нация развивается динамично при условии тождества габитуса индивида и общественного уклада, включающего производственно-поселенческое, культурное и политическое институциональное устройство общества. Успехи стран Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии во второй половине XX – начале XXI века обусловлены совпадением коллективно-средового мышления китайцев, японцев, корейцев, вьетнамцев, индусов современным массовидным формам жизни, которые во многом тождественны по своей коллективистской организации традиционным укладам этих народов. Если наше замечание верно, то условием выживания русских и родственных в этнокультурном смысле им народов является восстановление жизненного уклада царской России на новой технико-технологической основе. Ментальная традиция механистического сравнения технических сторон русского быта с европейским мешает пониманию того, что Россия при государях во всех отношениях являлась успешным цивилизационным проектом, и наши рассуждения в некоторых аспектах объясняют это.

Но обратимся к авторитету Н.Я. Данилевского: «...Россия, эта страна варварства, застоя и абсолютизма, приобрела внезапно такое нравственное оружие, сила которого не вполне еще ясна и для нас самих... Нравственная сила эта называется – крестьянским наделом! Знамя, на котором будет написано: Православие, Славянство и крестьянский надел, то есть нравственный, политический и экономический идеал народов славянского культурного типа, не может не сделаться символом победы, нашим “Сим победиши”, которое внесет в ряды наши и наших союзников уверенность торжества и ужас, и смятение – в ряды наших противников» [6, с. 468].

Литература

1. Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. / рук. авт. коллектива и отв. ред. А.Л. Шапиро. – Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1971. – 402 с.
2. *Арсюхин Е.* Молочники доят бюджет // Комсомольская правда. – 2012. – 28 марта.
3. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. – М.: Наука, 1990. – С. 3–250.
4. *Бурдые П.* Структуры, habitus, практики // Современная социальная теория: Бурдые, Гиденс, Хабермас: учебное пособие / сост., пер. и вступ. ст. А.В. Леденевой. – Ново-сибирск: Изд-во НГУ, 1995. – С. 16–39.
5. *Васильев А.С.* Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // Типы общественных отношений на Востоке в средние века: сборник статей / отв. ред. Л.Б. Алаев. – М.: Наука, 1982. – С. 60–99.
6. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 574 с.
7. Земельный вопрос / под ред. Е.С. Строева. – М.: Колос, 1999. – 536 с.
8. *Казарезов В.В.* Крестьянский вопрос в России. Конец XIX – первая четверть XX века. Т. 4. От древних славян до отмены крепостного права. – М.: Росинформагротех, 2003. – 506 с.

9. *Ключевский В.О.* Сочинения. В 8 т. Т. 1. Курс русской истории. – М.: Госполитиздат, 1956. – 427 с.
10. *Короленко В.Г.* Письма к Луначарскому // Негретов П.И. В.Г. Короленко: летопись жизни и творчества, 1917–1921. – М.: Книга, 1990. – С. 232–268.
11. *Литошенко А.Н.* Социализация земли в России. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. – 536 с.
12. *Маркс К.* Национализация земли // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. – М.: Госполитиздат, 1961. – Т. 18. – С. 54–57.
13. *Назаретян А.П.* Историческая эволюция морали: прогресс или регресс? // Вопросы философии. – 1992. – № 3. – С. 82–94.
14. *Огановский Н.П.* Земельный переворот в России, его причины и следствия. – СПб.: Труд и борьба, 1907. – 52 с.
15. *Сент-Экзюпери А. де.* Цитадель // Сент-Экзюпери А. де. Военные записки. 1939–1944: художественная публицистика: сборник: пер. с фр. – М.: Прогресс, 1986. – С. 184–243.
16. *Туган-Барановский М.И.* Социальные основы кооперации. – М.: Экономика, 1989. – 496 с.
17. *Чаянов А.В.* Организация северного крестьянского хозяйства. – Ярославль: Ярославский кредитный союз кооперативов, 1918. – 123 с.

AN AGRARIAN DEADLOCK: IS THERE A WAY OUT? A FAMILY (INDIVIDUAL) LABOR HOUSEHOLD: MAJOR RESEARCH APPROACHES

A.A. Latyshev

Kemerovo

latyshev-andrey@mail.ru

The article identifies the conceptual foundations of family (individual) labor households (FLH) as a cultural form of production and settlement activity organization. The author sees the status of FLH authenticity in possibility of an individual to sell generic properties without social intermediaries objectifying the semantic models of their livelihoods. The skills, acquired interacting with nature, are digested by the body, forming its susceptibility to a wide range of activities. Communities with the same genotypic activities skills form the constitutive production and settlement structures. Historical deformation of productive settlement structures, in the author's opinion, leads to the attenuation of the indigenous vitality. Thus, proving the exigency of the FLH ethno-cultural forms restoration at the present stage of development of the Russian ethnos is possible. The author offers the directions of empirical research finding the optimal model of the FLH, considering the new technological capabilities and management of ethno-cultural traditions of the Russian people.

Keywords: owner, family, household, village as a single yard settlement, *zaimka*, farm, homestead, *khutor*.

DOI: 10.17212/2075-0862-2015-3.2-150-161

References

1. Shapiro A.L., lead auth. and execut. ed. *Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii. Vtoraya polovina XV – nachalo XVI v.* [Agrarian history of the North-West of Russia. The second half of the XV – beginning of XVI century]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad branch, 1971. 402 p.
2. Arsyukhin E. Molochniki doyat byudzheta [Milkman milking budget]. *Komsomolskaya pravda*, 2012, 28 March.
3. Bulgakov S.N. *Filosofiya khozyaistva* [Philosophy of economy]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 3–250.
4. Burd'e P. Struktury, habitus, praktiki [Structures, habitus, practice]. *Sovremennaya sotsial'naya teoriya: Burd'e, Giddens, Khabermas* [Modern social theory: Bourdieu, Giddens, Habermas. Compilation, translation and introductory article A.V. Ledeneva]. Novosibirsk, NSU Publ., 1995, pp. 16–39. (In Russian)
5. Vasil'ev L.S. Fenomen vlasti-sobstvennosti. K probleme tipologii dokapitalisticheskikh struktur [The phenomenon of government property. On the problem of the typology of pre-capitalist structures]. *Tipy obshchestvennykh otnoshenii na Vostoke v srednie veka* [Types of public relations in the East in the Middle ages: digest of articles. Execut. ed. of L.B. Alaev]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 60–99.
6. Danilevskii N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Kniga Publ., 1991. 574 p.
7. Stroev E.S., ed. *Zemel'nyi vopros* [The land question]. Moscow, Kolos Publ., 1999. 536 p.
8. Kazarezov V.V. *Krest'yanskii vopros v Rossii: Konets XIX – pervaya chetvert' XX veka*. T. 4. *Ot drevnikh slavyan do otmeny krest'nogo prava* [The peasant question in Russia. The end of XIX – the first quarter of XX century. Vol. 4. From ancient Slavs before the abolition of serfdom]. Moscow, Rosinformagrotekh Publ., 2003. 506 p.
9. Klyuchevskii V.O. *Sochineniya*. V 8 t. T. 1. *Kurs russkoi istorii* [Works. In 8 vol. Vol. 1. The course of Russian history]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1956. 427 p.
10. Korolenko V.G. Pis'ma k Lunacharskomu [Letters to Lunacharsky]. *Negretov P.I. V.G. Korolenko: letopis' zhizni i tvorchestva, 1917–1921* [V.G. Korolenko. Timeline of life and work, 1917–1921]. Moscow, Kniga Publ., 1990, pp. 232–268.
11. Litoshenko L.N. *Sotsializatsiya zemli v Rossii* [Land socialization in Russia]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2001. 536 p.
12. Marks K. Natsionalizatsiya zemli [Land nationalization]. Marks K., Engel's F. *Sobranie sochinenii*. T. 18 [Collected works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961, vol. 18, pp. 54–57.
13. Nazaretyan A.P. Istoricheskaya evolyutsiya morali: progress ili regress? [Historical evolution of morality: progress or regression?]. *Voprosy filosofii – Russian Studies in Philosophy*, 1992, no. 3, pp. 82–94.
14. Oganovskii N.P. *Zemel'nyi perevorot v Rossii, ego prichiny i sledstviya* [Agrarian revolution in Russia, its causes and consequences]. St. Petersburg, Trud i bor'ba Publ., 1907. 52 p.
15. Sent-Ekzyuperi A. de. Tsitadel' [Citadel]. Sent-Ekzyuperi A. de. *Voennye zapiski. 1939–1944: khudozhestvennaya publitsistika* [Military notes. 1939–1944: artistic publicism]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 184–243. (In Russian)
16. Tugan-Baranovskii M.I. *Sotsial'nye osnovy kooperatsii* [Social bases of cooperation]. Moscow, Ekonomika Publ., 1989. 496 p.
17. Chayanov A.V. *Organizatsiya severnogo krest'yanskogo khozyaistva* [The organization of the northern peasant farm]. Yaroslavl', Yaroslavskii kreditnyi soyuz kooperativov Publ., 1918. 123 p.